

УДК 801.73

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНСТРУКТОВ «ПРЕДИКАЦИЯ» –
«МЕТАФОРИЗАЦИЯ» – «МОДАЛЬНОСТЬ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

Е.В. Ильина

Тверской государственный университет, Тверь

Рассматривается проблема взаимоотношения внутри блока понятий «предикация» – «метафоризация» – «модальность» в свете необходимости осуществления перехода от модальности на уровне предложения к модальности на уровне текста. В качестве идеальной основы данной трансформации исследуется взаимовлияние метафоризации и модальности в художественном тексте.

Ключевые слова: уровень содержания, уровень смысла, метафоризация, модальная партитура.

В настоящей работе предпринимается попытка по-иному взглянуть на проблему соотношения категорий модальности и предикативности через их преломление в смысловой структуре художественного текста. Коррелятом предикативности в этом случае будет понятие содержания текста, тогда как за модальностью закрепляется роль организатора плана его смыслов. В качестве медиатора перехода от модальности предложения как конституанта уровня содержания к модальности как механизму консолидации уровня смысла в художественном тексте выступает метафоризация, запускающая процесс рефлексивного действия познающего текст читателя. Излагаемые далее рассуждения относительно иерархии связей внутри блока понятий «предикативность – метафоризация – модальность» являются не законченными положениями, но основанием для дальнейшего более тщательного исследования не только с позиций филологической герменевтики, в русле которой работает автор статьи, но и рамках уточнения общелингвистического видения указанной проблемы.

Как известно, язык как порождение человеческого сознания в его стремлении подчинить себе окружающий мир своим онтологическим основанием имеет не слово, а предикацию. По утверждению В.А. Курдюмова, предикация представляет собой сущностную основу любого языка. При этом само противопоставление языка и речи в этом случае снимается [10]. Человеческая речь также имеет своим основанием способность предложения устанавливать связь между предметами и их признаками [11, с. 238]. Помимо установления соотносительной связи между предметами и их признаками важно ещё размещение ситуации как содержательной основы предикации на линейной оси времени. Не менее важно установление модальной квалификации формируемой ре-

чемыслительной конструкции как реальной/ирреальной. Модальность предложения есть ключ для представления всеобщего в конкретном и, наоборот, конкретного, индивидуального в общем. Если время рассматривается как некоторая материальная субстанция, выполняющая лишь функцию овеществления, введения конструкторов языкового сознания в реальный мир речи, и бытия в целом, то модальность задаёт координаты для преломления реальности, одиночного в предложении и множественного в тексте. В любом случае демиургом этой деятельности является мыслящий субъект, который сам по себе одновременно и уникален, и один из многих подобных ему. Эту интересубъективность «человек говорящий» имеет уже на уровне предложения, не теряет он её и на уровне текста.

Однако описание соотношения модальности и предикативности в художественном тексте будет неполным без упоминания о роли метафоризации в этом процессе. Метафора долгое время рассматривалась как «искажение», искривление реальности с целью создания яркого образа. Такое искажение актуализируется изначально через личностное отношение. Любая метафора изначально модальна. И только спустя много времени благодаря постоянному обращению к активизируемому сформированной метафорой смыслу он переходит в значение и закрепляется языковой системой.

Помимо того, в рамках собственно лингвистического и лексикологического направлений исследования языковой метафоры неоднократно отмечалось, что для метафоры характеризующая функция является основной. В этом случае между метафорой и предикативностью в языке выделяется онтологическая зависимость [4; 8; 1; 2; 12]. Таким образом, метафора связана не только с модальностью, но и с предикативностью. Метафора это особое искажение реальности. Если модальность изменяет реальность в рамках самой этой реальности (ср. категория наклонения образуется оппозитивной парой реальность-ирреальность, т.е. та же реальность, только с отрицательным знаком), то метафора даёт качественный скачок (образование третьего содержательного плана у метафоры, когда два исходных плана «растворяются» в нём [9]). В этом случае инициируется переход в другую реальность, реальность, в которой идеи уже не нуждаются в предикативно-модальном оформлении. Стремление человеческого языка к трансценденции, когда человек может рассматриваться как личность «пост-коммуникативная» по В.А. Курдюмову [10], реализуется в метафоре. Именно поэтому метафора является не просто достоянием человеческого языка, но общим способом познания мира, причем познания наиболее эффективного. Такой эффект даёт метафоризированная предикативность, когда привычная связь между предметами и их признаками разрушается самим говорящим, творящим качественно новую реальность.

В тексте, где этот процесс метафорического познания «мира в себе» через «мир вне себя» явлен именно как процесс, а не представлен в снятом, готовом виде, модальность и метафоризация меняются местами. В тексте метафоризация способствует активизации модального механизма: идёт начальное пробуждение рефлексии с помощью метафоры. Далее ход распредмечивания смыслов регламентируется модальным механизмом. Схема взаимодействия в рассматриваемом блоке понятий для предложения выглядит следующим образом: «предикация → модализация (как конкретизация предикативного статуса) → метафоризация». В тексте же всё наоборот: «предикация (совокупность предикаций как “содержание текста” по Г.И. Богину [3]) → метафоризация → модализация (в виде конструирования модальной партитуры распредмечивания смыслов всего текста)». Предикация присутствует в обоих случаях как субстанциональная основа. Через время и оценку предикация и модальность взаимодействуют в языке и тексте. А далее в языке и в целом человеческом мышлении становится возможной сама метафоризация. Однако, всё равно, всё пошло от текста, и именно в нём было сформировано. Ср.: по Ю. Кристевой, именно текст является местом возникновения значений [14, с. 37].

Метафоризация в тексте играет роль пускового механизма для смыслового синтеза [9]. Модальность оказывается последующим координирующим процессом. В языке же этот механизм категоризируется в зеркальном отображении. Свойственная метафоризации «аномальность», в понимании тех, кто занимался метафорой в рамках теории референции, в художественном тексте преодолевается построением модальной партитуры распредмечивания его смыслов. Именно этот процесс, по нашему мнению, является непосредственным местом реализации «неэнтропийной» функции модальности в её понимании В.С. Юрченко [13, с. 63].

Таким образом, метафора является связующим звеном между модальностью на уровне предложения и модальностью на уровне текста. Простейший пример: часто метафоризируется не только план смысла, метафора присутствует уже на уровне содержания. Так, рассказ В.Ф. Тендрякова «Хлеб для собаки» глубоко и вместе с тем очень «просто» метафоричен. Умиравшие от голода высланные «куркули» – раскулаченные крестьяне – представляются как уже не люди, как «выпавшие из числа людей». Автор, в основном, разделяет их на два класса, каждому из которых даёт метафорические именованья: шкилетники (исхудавшие до костей) и слоны (больные водянкой). По всему тексту рассыпаны синонимичные метафорические именованья («подушка», «мощи» и т.п.) и характеристики-признаки того же порядка («жабы мягкие руки», «пожирала сорочьими глазами», «расплылся на земле студнем»). Некоторым персонажам даются более «изоощренные» именованья, например,

«Отрыжка» для калеки из-за странной манеры двигаться. Само слово «куркуль», повторяющееся множество раз как простой номинатив, означает на украинском «коршун». Поведение этих несчастных также описывается как нечеловеческое – они жуют кору с деревьев и мусор с земли в сквере, где их оставили, умирая, «по-обезьяньи» цепляются за деревья. А умерших, их «как дровяные чурки» сваливают в телегу. Рассказ автобиографичен, ведётся от первого лица десятилетнего мальчика. Его мучает совесть, за то, что он *может* есть (семья его имеет еды вдоволь в отличие от многих других жителей деревни):

«Не потому ли в привокзальном сквере люди грызут кору, что я съел сейчас слишком много? Но это же куркули грызут кору! Ты жалеешь?..

"Если враг не сдаётся, его уничтожают!" А это "уничтожают" вот так, наверное, и должно выглядеть – черепа с глазами, слоновьи ноги, пена из черного рта. Ты просто боишься смотреть правде в глаза. Отец как-то рассказывал, что в других местах есть деревни, где от голода умерли все жители до единого – взрослые, старики, дети. Даже грудные дети... Про них-то уж никак не скажешь: "Если враг не сдаётся..."

Я сыт, очень сыт – до отвала. Я съел сейчас столько, что, наверное, пятерым хватило бы спастись от голодной смерти. Не спас пятерых, съел их жизнь. Только чью – врагов или не врагов?.. кто враг?.. Враг ли тот, кто грызет кору? Он им был – да! – но сейчас ему не до вражды, нет мяса на его костях, нет силы даже в его голосе... » (В.Ф. Тендряков «Хлеб для собаки»).

Герой начинает подкармливать куркулей, ища из них «самых» изголодавшихся. Однако в конце рассказа происходит перелом. Мальчик осознает, что неспособен накормить всех голодающих. Мольбы все растущей толпы страждущих у его дома приводят Володю в отчаяние. Чувствуя свою беспомощность перед людьми, которые уже «ведут с ним поединок», выпрашивая пищу, он с криком прогоняет их. Не выходит у одного отдельно взятого ребенка решить такую глобальную проблему. Поведение Володи лишь подтверждение слов его отца, когда тот узнал о милосердии сына: *«Чайной ложкой моря не вычерпаете»*. Парадоксально и то, что ребенок обращается от людей к собаке, считая её той «самой» голодной, начинает кормить животное. Её «образ», если можно так сказать о собаке, также метафоричен. Если голодные ссыльные лишаются человеческих черт, а наделяются животными свойствами, то собака лишается своих животных признаков: *«Я ни разу не видел в её жёлтых, пустых, неглубоких глазах какого-либо выражения – даже собачьего страха, не говоря уже о собачьей умильности и дружеской расположенности»*. Собака тоже «жертва времени». Но мальчик и не хочет видеть в собаке собаку. Для него она превращается в собственную совесть, уколы которой он пытается смягчить: *«Не облезшего от голода пса кормил я кусками хлеба, а свою совесть. Не скажу, чтоб моей со-*

вести так уж нравилась эта подозрительная пища. Моя совесть продолжала воспаляться, но не столь сильно, не опасно для жизни».

Формируемые в тексте метафоры искажают реальность, в которой люди – не люди, а звери – не звери. Модальные направляющие текста (меняющееся отношение ребенка к ссыльным «врагам» – смысл-модализация «необходимость жалости к человеку»; отношение его отца к поступку своего сына – смысл-модализация «необходимость покориться воле “времени”»); своя «правда» местного начальника Дыбакова – смысл-модализация «необходимость жестокости к врагам») координируют указанное метафорическое искажение. При этом можно сказать, что метафорическое преломление реальности принадлежит и содержанию, и смыслу. Начинаясь на уровне содержания-сюжета, основной составляющей которого является неестественное состояние и поведение людей и животных, метафора помогает читателю выйти на уровень смыслов, ещё раз для себя решить, кто должен/не должен или может/не может быть врагом, почему человека, живущего «по закону», может мучить совесть. В процессе усмотрения смыслов текста можно придти, как и приходит главный герой Володя Тенков, к выводу, противоречащему героическому «духу времени» – со злом в одиночку бороться невозможно. Это заключение также изменяет, преобразует реальность мира героя и на смысловом уровне. Смыслы-модализации, направляющие ход рефлексивного действия с текстом, благодаря метафорическому преломлению на уровнях содержания и смысла, разворачиваются в общую характеристику-предикацию: «человек человеку друг/враг». При этом сохраняется полифоническая структура отношенческих позиций. Автор не решает за читателя. Предельно метафоризированная текстовая содержательность уравнивает конгломерат модальных ориентиров.

Взаимодействие метафоры и модальности в художественном тексте представляет собой сложный и многоаспектный процесс. Выше были намечены лишь основные ориентиры для дальнейшего изучения этого масштабного вопроса. За точку отсчёта в исследовании значимости связи этих мыслительно-языковых конструкторов предлагается взять положение Н.Ф. Крюковой о том, что метафоризация создаёт необходимые условия для пробуждения рефлексии. При этом метафора, наряду с оценкой и временем (как координатой формируемого в тексте дейктического плана/планов), обеспечивает переход от языковой модальности с её предикативно-пропозитивными характеристиками к модальности текстовой. Обратный переход также имеет место при освоении смыслового стратума конкретного текста, когда в ходе нисходящей категоризации модальные смыслы переходят в модальные значения и в том или ином виде восстанавливается динамика модального устройства сознания (подробнее об этом см.: [5–7]).

Согласно разрабатываемой нами концепции, взаимодействие уровней содержания и смысла в художественном тексте определяется типом модальной партитуры, ориентированной, прежде всего, на консолидацию всего смыслового стратума текста и выход к комплексному смыслу текста как совокупности метасмыслов и идей. При этом содержание, выполнив свои функции, отходит на второй план. Однако в то же время содержание, формируемое значениями языковых единиц, объединяемых в цепи предикаций, остается «базовым пространством». Оно неизменно, и процесс смыслораспредмечивания будет запускаться каждый раз по-новому при обращении рефлексии на одно и то же, неизменное содержание текста в его конкретном языковом выражении. Именно с уровнем содержания связывается переход от языковой системы к тексту, где модальность выступает как механизм, управляющий распределением смысла. Следовательно, содержательные характеристики текста определяют переход от языковой модальности к модальности текстовой.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры [Текст] / Н.Д. Арутюнова // ИАН СЛЯ. – 1978. – Т. 37. – № 4. – С. 333–343.
2. Арутюнова, Н.Д. Языковая метафоры (синтаксис и лексика) [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – М. : 1979. – С. 147–173.
3. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику [Электронный ресурс] : [электрон. книга] / Г.И. Богин. – Электрон. дан. – Тверь, 2001. – Режим доступа: http://pall.hoha.ru/learn/bogin_bible/0.htm. – Дата обращения: 14.06.2009. – Загл. с экрана.
4. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов [Текст] / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 140–161.
5. Ильина Е.В. Объективность и субъективность модальности через призму герменевтики: модальное значение и модальный смысл [Текст] / Е.В. Ильина // Отечественная и зарубежная литература в контексте изучения проблем языкознания. – Книга 4. – Краснодар : АНО Премьер, 2012. – С. 21–37.
6. Ильина Е. В. Взаимодействие и конфликт блоков содержания и смысла под воздействием модальной партитуры текста [Текст] / Е.В. Ильина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 3(20).– С. 105–115.
7. Ильина Е.В. Взаимовлияние блоков содержания и смысла под воздействием типа модальной партитуры текста [Текст] / Е.В. Ильина // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия «Филология и журналистика». – 2013. – № 1 – С. 52–55.
8. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение, обозначение [Текст] / С.Д. Кацнельсон . – М., Л. : 1965. – 109 с.

9. Крюкова Н.Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действия при продукции и рецепции текста [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н.Ф. Крюкова. – М., 2001. – 275 с.
10. Курдюмов В.А. Экзистенциальные аспекты предикационных преобразований // Курдюмов В.А. Предикация и природа коммуникации [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / В.А. Курдюмов. – М., 1999. Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/kurdumov/glava4.html>. – Дата обращения: 6.06.2013. – Загл. с экрана.
11. Серебрянников Б.А. О материалистическом подходе к языковым явлениям [Текст] / Б.А. Серебрянников. – М. : Наука, 1983. – 319 с.
12. Склярская Г.Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г.Н. Склярская – СПб. : Наука, 1993. – 151 с.
13. Юрченко В.С. Очерки по философии языка и философии языкознания [Текст] / В.С. Юрченко. – Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 2000. – 368 с.
14. Kristeva, J. Semeiotiké. Recherches pour une sémanalyse [Text] / J. Kristeva. – Paris : Éd. du Seuil, 1969. – 319 p.

**INTERPLAY OF CONCEPTS “PREDICATION” –
“METAPHORIZATION” – “MODALITY” IN A FICTION TEXT**

Elena V. ILJINA

Tver State University, Tver

The article focuses on the problem of interrelations within the block of concepts “predication-metaphorization-modality” when the shift from a sentence to a text modality is accomplished. As an ideal basis for the study of this transformation the interplay of metaphor and modality in a fiction text is examined.

Keywords: *contents level, sense level, metaphorization, modal score.*

Об авторе:

ИЛЬИНА Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Тверского государственного университета, e-mail: lpuchkova@mail.ru